

Лидия Чарская

Ради семьи

Лидия Алексеевна Чарская

Ради семьи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=634855

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Книга известной писательницы начала XX века Лидии Алексеевны Чарской рассказывает о девушке по имени Ия, которая после окончания института вынуждена работать, чтобы содержать бабушку-мать и младшую сестру. Ия становится классной дамой в пансионе, и ей предстоит завоевать сердца непослушных воспитанниц.

Содержание

Глава I	4
Глава II	13
Глава III	26
Глава IV	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лидия Алексеевна Чарская

Ради семьи

Глава I

...Где-то поблизости с шумом упало яблоко, и Катя раскрыла милые сонные глаза.

У входа в ее шалашик стоял крестьянин Ефрем и протягивал ей какую-то серую бумажку.

– Иштафета издалеча. Отнеси маменьке. Расписаться велят.

Катя не сразу поняла, чего хочет от нее этот седобородый, сухой, как спичка, человек в ветхом зипуне, исполняющий в соседнем селе должность почтаря и посыльного.

В ее растрепанной головке еще плыли сонные грезы, какие-то сладкие сны, с которыми так не хотелось сейчас расставаться.

А кругом звенел своим летним звоном ее любимец сад. Жужжали пчелы, пели стрекозы, чиликали птицы, порхая между ветвями старых яблонь и лип. В узкое отверстие входа заглядывало ласковое солнце, и из шалашика, любимого места Кати, куда она приходила мечтать, грезить, а иногда и спать, можно было видеть наливавшиеся в последней стадии назревания сочные яблоки, словно алой кровью пропи-

таннные ягоды красной смородины и играющий изумрудными огнями сквозь тонкую пленку кожицы дозревающий на солнце крыжовник.

Одним общим ласковым взглядом черные глазки девочки обняли родную ее сердцу картину, и она быстро вскочила на ноги.

– Телеграмму привез? Давай, давай!

Выхватив из рук Ефрема депешу, она с быстротою, так свойственной ее резвым четырнадцатилетним ножкам, птицей метнулась мимо него и помчалась к крыльцу, мелькая красным ситцем платья между деревьями и кустами.

– Ма-моч-ка, те-ле-грам-ма! – кричала она из сада, без тени тревоги на оживленном, загорелом как у цыганки лице.

– От Андрюши из Венеции... Верно, приедет скоро!.. Траляляля! Траляляля! Приедет наш Андрюшенька, приедет, – запела Катя.

Последняя фраза прозвучала уже на пороге крошечной террасы, где Юлия Николаевна Басланова, хозяйка маленькой усадьбы «Яблоньки», сидела за чистой крыжовника для варенья.

Склонив седеющую голову с добрыми глазами, такими же черными, как у Кати, но далеко не такими жизнерадостными, как у той, она вооруженной ножницами рукой тщательно подстригала мохнатую бородку на каждой ягоде, вынимая их из корзины, и отбрасывала очищенный крыжовник на большое блюдо, стоявшее перед нею на столе.

Ей помогала старшая дочь, семнадцатилетняя девушка с поэтичной головкой блондинки и серьезным лицом, в котором большой неожиданностью являлся энергичный склад тонких сжатых губ, придававший некоторую суровость всему ее хрупкому облику.

Большие серые глаза девушки смотрели задумчиво и строго.

Ия Басланова и по внешнему виду казалась полной противоположностью своей младшей сестры – олицетворения жизнерадостности и веселья.

Катя с шумом ворвалась на маленькую террасу и теперь, приплясывая и прищелкивая пальцами, кружилась перед матерью и сестрою, распевая во весь голос и потрясая высоко над своей черной растрепанной головкой только что полученной телеграммой.

– Траляляля!.. От Андрюши... траляляля! – напевала она.

Юлия Николаевна побледнела. Она заметно встревожилась уже с той минуты, когда услышала звонкий Катин голос в саду. Сама по себе телеграмма уже являлась из ряда вон выходящим явлением в их бедной событиями жизни. А тут еще депеша пришла из Италии, от ее сына Андрея, молодого художника, отправившегося совершенствоваться туда, в эту поэтичную прекрасную страну, издавна славившуюся колыбель высшего художественного искусства.

Было от чего взволноваться и встревожиться любящему материнскому сердцу.

Ия поспешно встала из-за стола и подошла к сестре.

– Перестань шалить, Катя... Давай скорее телеграмму, – тоном, не допускающим возражений, проговорила она и, быстрой рукою взяв у сестры депешу, вскрыла ее.

Дыхание захватило в груди девушки. Она волновалась за мать. Телеграмма могла принести одинаково как хорошие, так и дурные вести. Но лицо Ии ни одной своей черточкой не выдало охватившего молодую девушку волнения. Серые глаза казались по-прежнему спокойными, и таким же спокойным был ее голос, когда она громко читала полученную депешу.

В телеграмме стояло несколько строк:

«Прошу бесценную мамочку благословить мой брак с княжной Анастасией Вадберской. Свадьба завтра. Целую всех. Андрей».

Пока Ия с трудом разбирала русские слова, написанные латинскими буквами (так принято писать депеши за границей), лицо Юлии Николаевны передало целую гамму самых разнородных ощущений. Здесь были: и огромное всепоглощающее удивление, и испуг, и боль разочарования, и, наконец, отчаяние.

Когда последнее слово в депеше было дочитано, тяжелый вздох вырвался из груди матери.

– Андрюша... милый... дорогой Андрюша!.. О... О Господи! – прошептала Юлия Николаевна, откинувшись на спинку стула.

Из-под сомкнутых ресниц по бледным щекам покатались крупные слезы.

Катя, хранившая до сих пор на своем смуглом от загара личике выражение самого жгучего, ничем непреодолимого любопытства, вдруг по-детски скривила рот и тоже залилась слезами.

Она не могла видеть равнодушно материнских слез.

– Мамочка, мамочка, дорогая! – рыдая, шептала девочка, прижимаясь к плечу матери черной кудлатой головенкой, – мамочка, не надо плакать... не на-до.

Слезы матери и младшей дочери смешались.

Одна Ия сохраняла, по-видимому, свое обычное спокойствие.

Стройная тонкая фигурка девушки приблизилась к Юлии Николаевне. Белокурая, отягощенная пышной тяжелой ко-сой головка склонилась над нею. И тихо, мягко, любовно прозвучал нежный голос Ии над ухом матери:

– Мамочка, не плачьте. Слезами горю не помочь. Этого надо было ожидать давно. Что делать, судьба сильнее нас, и вы должны себя утешить мыслью, что были всегда безупречною матерью и воспитательницей в отношении Андрюши и нас с Катей. Что же касается Нетти, то... Милая мамочка, я слышала от опытных людей да и сама читала в книгах, что искреннее чувство часто меняет, облагораживает самые эгоистичные натуры. А Нетти любит нашего Андрюшу, и под влиянием этого чувства расцветет и возвысится ее, может

быть, сейчас и мелкая, пустенькая душа. Право, мамочка! Не надо же приходить преждевременно в отчаяние. Я уверена, что Андрюша будет счастлив с Нетти.

– Но все это так внезапно, Июшка, так неожиданно, – поднимая на старшую дочь заплаканные глаза, произнесла Юлия Николаевна.

– Она – противная эта Нетька! Я ее терпеть не могу! – непроизвольно вырвалось из груди Кати, и черная головка отделилась от материнского плеча.

– Важничает... фыркает... Воображает, что нет лучше ее на свете!

– Перестань, Катя, – строго остановила младшую сестру Ия, – ты еще маленькая девочка, и не твое дело осуждать старших. К тому же надо быть вполне безупречной самой, чтобы иметь право критиковать поступки других. И вообще, Катя, чем меньше ты будешь рассуждать обо всем этом, тем будет лучше. Возьми-ка корзину, там крыжовника осталось всего на донышке, и пойди в сад, набери там еще ягод.

Последние слова Ия произнесла так энергично, что Кате волей-неволей оставалось лишь послушаться и исполнить приказание сестры.

Надув пухлые губы, девочка захватила со стола корзину и с недовольным видом отправилась в сад.

– Классная дама какая, подумаешь. Только и знает нотации читать, – ворчала она, хлопоча у кустов крыжовника. – Кончила институт весною и воображает, что командовать

может, сколько ей вздумается теперь. Только дудки, я не позволю. — И говоря это, Катя с ожесточением срывала ягоды и бросала их в корзину.

После ее ухода Ия подсела к матери. Нежным, полным невыразимой ласки движением обняла ее плечи и заговорила:

— Кати нет, можно теперь обо всем побеседовать свободно, мамочка; только не волнуйтесь, родная. Правда, Андрюшина женитьба является для всех нас большим сюрпризом, но... не это беспокоит меня. Если Андрюша любит Нетти и та отвечает ему таким же чувством — брак их является желательным и счастливым. Но, мамочка, другое тревожит меня. Ведь вы знаете, что Вадберские разорены и что молодые будут принуждены жить исключительно на заработок Андрея, на те деньги, которые он получал и получает от продажи картин и которыми до сих пор так щедро делился с нами. Теперь, мамочка, у него будет своя семья, молодая жена, избалованная родителями, привыкшая ни в чем не иметь отказа, могут скоро явиться и дети, и Андрюше предстоят новые заботы и расходы. Значив надо избавить его, во что бы то ни стало, от прежних. Он, как чуткий и благородный сын, конечно, будет стремиться помогать нам, как помогал до сих пор, но этого допускать нельзя... Художественный талант Андрюши должен развернуться и расцвести безо всяких мелких лишений, и без малейшей нужды должна протекать его жизнь. Надо, чтобы мысль о зарботке как можно

меньше тяготила его, по крайней мере, хотя бы теперь, когда он только что вступает на новый путь и начинает свою карьеру.

И вот, мамочка, я решила сейчас, что все обязательства по отношению к семье, которые нес до сих пор Андрюша, я возьму на себя. Ведь «Яблоньки» приносят так мало, расход по усадьбе едва-едва покрывается доходом, и на него не хватает и на самые насущные потребности. Значит, без помощи со стороны обойтись никак нельзя: надо одеваться, платить за Катю, за ее учение и содержание в интернате, словом, добывать ту ежемесячную субсидию в 50 рублей, которые нам до сих пор посылал Андрюша и на которые мы теперь не имеем права рассчитывать. И это сделаю я. Я постараюсь найти хорошее место, мамочка, бухгалтерши, телеграфистки, гувернантки, кассирши, наконец, которое бы давало мне хороший заработок, а...

– Июшка, – тоскливо сорвалось с губ Юлии Николаевны, – голубка моя, да как же я без тебя-то?.. Ведь уехать придется, Июшка, разлучиться нам с тобою!.. А я так мечтала: вот кончит курс моя старшая девочка, будет со мною жить безотлучно, вместе хлопотать будем, хозяйничать...

– Конечно, уехать, мамочка, не в нашем же милом захолустье искать места, в Петербург придется поехать, в столицу.

– В Петербург? Такой молоденькой? Одной? Да что ты, Июшка! – испуганно проронили губы матери.

Тихий смех Ии прозвучал не совсем естественно, когда

она отвечала матери, стараясь успокоить ее:

– Полно, мамочка, ведь до сих пор вы считали такой благоразумной вашу большую Ию! Неужели же теперь вы так мало верите в ее энергию и силы? Не верите? Нет?

И говоря это, Ия серьезным взглядом своих серых, вдумчивых глаз встретила обращенные к ней любящие глаза матери.

– Июшка! – могла только произнести со слезами Юлия Николаевна и нежно обняла прильнувшую к ней белокурую головку. Этой лаской она как бы давала молчаливое благословение на новый путь своей благоразумной дочери.

Глава II

Студеная августовская ночь с ее призрачным сиянием далекого месяца, от которого небесные высоты кажутся каким-то фантастическим сказочным царством, стояла над «Яблоньками»...

Ткал свою серебряную прозрачную пряжу месяц, заливая млечными лучами и маленькую усадьбу, казавшуюся игрушечной с ее домиком в четыре окна и небольшим яблоневым садом, и прилегавшие к ней сто десятин поля, утилизированных под скромные посевы.

За «Яблоньками» тянулись поля и леса, принадлежащие разорившимся князьям Вадберским и теперь отданные в аренду. У самой опушки леса находилась красивая помещичья усадьба, полуразрушенная временем, с запущенным диким садом и барскими угодьями. Уцелел один только главный дом, огромный, как палаццо, старинной архитектуры с колоннами и башенками, со всевозможными затеями, увидевший свет чуть ли не во времена императрицы Екатерины.

В бледном, обманчивом свете месяца он казался средневековым замком.

За помещичьей усадьбой, носившей название «Лесного», тянулась дорога в ближнее село, лежавшее в пятнадцати верстах отсюда и от соседних с ним «Яблонек». В селе находилась церковь, школа, почтово-телеграфная контора и глав-

ная пристань Волги. От ближайшего губернского города С. насчитывалось отсюда сорок верст.

Ия стояла на пороге терраски и смотрела в сад. Была полночь.

Мать и сестра давно спали. Первая, конечно, делала вид, что спит. Ей было не до сна. Брак старшего сына менял совершенно всю давно налаженную программу их жизни. Помимо того, что в их семью входила несимпатичная, крайне избалованная юная особа, в лице княжны Анастасии Вадберской, или Нетти, как ее называли близкие, Юлии Николаевне приходилось отпускать Ию на трудный, тяжелый заработок, к чужим людям, в чужой город, и это не могло не тревожить мать.

Но сама Ия нимало не тревожилась предстоящей ей переменой в жизни. Правда, ей было жаль до слез расставаться с матерью, жаль было уезжать из этого милого гнездышка, где родились и выросли они обе с Катей, где всякий кустик, всякое деревце срослись и сроднились с ними. Каждое лето приезжала сюда она девочкой из института и проводила здесь самые отрадные часы своей юности.

Правда, в этих милых «Яблоньках» узнала она и свое первое тяжелое горе. Здесь умер отец, всегда такой ласковый и добрый, умер в ту пору, когда самой Ие было всего десять лет от роду.

Он был когда-то учителем гимназии и, не выслужив пен-

сии, вышел в отставку с совершенно расстроенным здоровьем; на свои крошечные сбережения он приобрел у соседей Вадберских эту усадьбу и поселился в ней с молодой женой и крошечным сыном.

Князья Вадберские являлись, таким образом, соседями отставного учителя.

Глядя на серебряный океан небес со скользящими по нему облаками самых фантастических очертаний, Ия думала сейчас об этой семье, вспоминая до малейших подробностей некоторые картины своего детства.

Ей десять лет, Андрею – семнадцать.

Отец умер несколько дней тому назад.

Князь Вадберский, высокий, красивый старик в блестящем мундире отставного кавалериста, присутствовал на всех панихидах вместе с дочерью Нетти и двумя сыновьями – Леонидом и Валерьяном.

Их мать, черноглазая подвижная женщина, итальянка родом, с несколько вульгарными манерами, так мало согласовавшимися с ее княжеским титулом, вторая жена князя, происходившая из простой мещанской семьи, с которой он после потери первой жены случайно встретился за границей, прислала вдове учителя записку, пропитанную запахом духов и искренним выражением сочувствия и утешения в постигшем несчастную семью горе.

В ближайший же праздник Юлия Николаевна, еще не опомнившаяся от горя, послала своих старших детей благо-

дарить за сочувствие княжескую семью, с которой они до смерти отца не были знакомы.

Как ярко встает этот первый их визит в княжеский дом в воспоминании Ии!

Тогда был чудесный солнечный полдень.

Она, в своем скромном ситцевом траурном платье, сшитом на скорую руку матерью и сидевшем на ней мешком, и Андрюша в его куцей гимназической куртке, из которой он порядочно вырос в то лето, появились среди блестящего шумного общества, завтракавшего среди цветов на большой стеклянной террасе. У нее буквально тогда закружилась голова при виде шикарного многочисленного общества, находившегося на террасе.

Князя Вадберские, несмотря на грозивший им уже и в то время призрак разорения, вели открытую, шумную жизнь.

Красавица княгиня любила быть окруженной гостями, поэтому и в летнее время, которое они проводили в «Лесном», барский дом усадьбы шумел и звенел, не умолкая, смехом, пением и веселыми молодыми голосами. Целыми днями там звучал рояль, раздавались дуэты и хоровое пение. Гостившие родственники и родственницы князя Юрия Львовича, его молоденькие племянники и племянницы заполняли своими звонкими голосами все уголки дома.

В тот день за столом – Ия помнит это отлично – сидело человек двадцать, от присутствия которых она, маленькая дикая провинциалочка, смутилась и растерялась совсем, а тут

еще и сама княгиня увеличила ее смущение.

Очень недалекая и резкая в манерах, но безусловно добрая и чуткая, она посадила около себя маленькую сиротку и стала громко восторгаться ею на весь стол...

Она во весь голос хвалила большие серые глаза Ии, ее пышные белокурые волосы, ее тонкое задумчивое лицо, с которого не сошла печать только что пережитого горя.

Потом стала удивляться ее нежному голоску и кончила неожиданной фразой, обращенной к гостям:

– Если бы моя Нетти была хоть чуточку похожа на эту очаровательную девочку, я сочла бы себя счастливейшей матерью в мире.

Хорошенькая двенадцатилетняя Нетти, унаследовавшая от матери ее черные огневые глаза итальянки, скривила в презрительной улыбке свой очаровательный ротик. Она в своем нарядном платье с эффектно разбросанными вдоль спины черными локонами имела вид настоящей маленькой феи этого старого барского гнезда.

Маленькая красавица высокомерным взглядом окинула скромную сандрильону и шепнула сидевшему подле молодому кузену-пажу:

– Она бесподобна, эта девочка, в ее куцем мешке. Неужели ее не могли одеть поприличнее?

– Куцем мешке, – повторил маленький паж, захлебываясь от смеха.

Очевидно, до слуха княгини Констанции Ивановны до-

летели слова ее дочери, потому что она бросила в сторону Нетти уничтожающий взгляд и быстро-быстро заговорила по-итальянски. После этого обычно розовое личико княжны стало малиновым от смущения.

В тот день дети Вадберские играли в лаун-теннис в саду со своими юными гостями. Оба князя не понравились Ие. Ни черненький, как жук, на одно лицо с Нетти, Валерьян, ни рыжий вялый Леонид. Какая разница была между ними и ее милым неуклюжим увальнем Андрюшей, с его несколько угрюмыми, смотревшими исподлобья серыми глазами и кудрявой, всегда растрепанной головой! Оба мальчика учились в привилегированных учебных заведениях, имели прекрасные манеры и тщательно причесанные на пробор головы. Особенно старший. Младший казался проще. Одеты они были в новенькие, с иголки, кителя, сверкавшие белизною, вежливо шаркали, без умолку болтали по-французски и старались всеми силами, во что бы то ни стало, исправить невежливость их надменной сестрички в отношении юных гостей. Но Ие они показались какими-то автоматами, а не живыми подростками. Совместная беседа как-то не клеилась у детей. Между бедными сиротами учителя и молодыми отпрысками блестящего старинного аристократического рода никак не могли установиться простые, искренние отношения.

– Нога моя здесь больше не будет! – ворчал на обратном пути Андрюша, – это какая-то кукла на пружинах «parlez francais, merci beaucoup» – только и знают, что трещат по-

французски, терпеть не могу таких верченых.

И он сдержал свое слово. До самого окончания курса гимназии юноша не бывал в «Лесном». Не бывала там больше и Ия.

Между тем наступила пора учения для девочки, и Ию отдали на казенный счет в С-ий институт. Теперь она могла только на время летних каникул приезжать гостить в милые «Яблоньки» из большого губернского города, где находилось ее учебно-воспитательное заведение.

А годы шли... Мало-помалу расросся небольшой фруктовый садик в «Яблоньках».

Выросли и окрепли в нем стройные плодовые деревья. Выросли и поднялись незаметно вместе с юными деревцами и дети вдовы Баслановой, бывшейся, как рыба об лед, со дня смерти мужа в своем крошечном имениице.

Андрюша блестяще закончил курс гимназии и поступил в университет.

Серьезный, вдумчивый, немного угрюмый юноша с детства питал большое влечение к живописи. Еще будучи мальчиком, он очень недурно рисовал небольшие картины, этюды, эскизы и давно уже поговаривал о карьере художника. Но мать и слышать не хотела об Академии художеств, прежде нежели ее первенец не покончит с общим высшим образованием.

И только по получении университетского диплома Андрей Басланов поступил в академию, куда непреодолимая

сила влекла молодого человека.

Новое воспоминание выплыло из недавнего прошлого в белокурой головке Ии.

Это было года два тому назад.

Они с братом проводили летние каникулы в «Яблоньках», помогая матери в ее несложном хозяйстве. Андрей, продолжавший заниматься в академии, был отмечен там как крупный талант. Он уже помогал семье своим заработком, получавшимся от продажи его небольших вещиц, которые распродавались по рукам среди друзей и знакомых. Как не закончивший еще своего художественного образования ученик, он не имел права выступать со своими картинами на выставках. Но они охотно покупались знатоками и ценителями искусства.

Этими своими первыми заработанными деньгами он радостно делился с семьей.

В то утро пышный зеленокудрый красавец лес подслушивал пылкие мечты молодого художника, доверчиво поверяемые им сестре.

В зеленом укромном уголке этого леса устроился он со своим мольбертом, заноса на полотно ближайшую группу кустов лесного болотца, покрытого незабудками, и синий шатер неба, развернувшийся над ними.

Ия читала вслух брату «Дворянское гнездо». Перед ними в блестящих красках разворачивались вдохновенные картины творца-художника... Мелькали образы Лаврецкого, Ли-

зы, Левина... Несравненный язык Тургенева звучал как музыка. Брат и сестра забыли весь мир, погруженные в свое занятие.

Вдруг негромкий возглас восторга послышался за их плечами. Кисть выскользнула из рук Андрея. Смущенно опустила книгу на колени Ия. Перед ними стоял князь Вадберский под руку с женой. В то время княжеская семья шла уже быстрыми шагами по пути к разорению. Лес, единственное богатство их, частью продавался, частью сдавался в аренду. Наполовину вырубленный, исковерканный, он уже не мог прокормить своих владельцев. Вот почему Вадберские большую часть года проводили теперь в Венеции, откуда была родом сама княгиня Констанция Ивановна и откуда приезжали лишь на три летних месяца в свое «Лесное».

Наткнувшись случайно на работу молодого художника, чета Вадберских пришла от нее в восторг. Князь Юрий Львович, тонкий ценитель искусства, когда-то сам увлекался живописью, мечтал стать художником.

Он расхвалил работу Андрюши и пригласил его к себе с его молоденькой сестрой.

Когда-то нелюдимый, угрюмый гимназист, теперь превратился в красивого стройного молодого человека с живописно выющимися кудрями, с мягким взглядом серых добрых глаз. К тому же он, этот молодой художник, подавал большие надежды. Младшее поколение княжеского дома радушно встретило своего прежнего знакомого.

Знакомство возобновилось. Андрей Басланов стал теперь часто бывать у соседей. Он написал удачный портрет княгини, и престиж молодого художника еще больше окреп.

В ту же осень Вадберские убедили его уехать с ними за границу, в их милую Венецию, предлагая поселиться у них в доме.

Поездка в Италию, слывущую лоном искусства, живописи, давшую миру такие великие имена, как Рафаэль и Леонардо да Винчи, была давнишней тайной мечтой Андрея. Памятники классической старины манили к себе издавна молодого художника. Но он не смел даже надеяться попасть туда. И вдруг мечта воплощалась. Греза становилась действительностью. Было от чего прийти в восторг молодому художнику.

Сам старый князь решил снова заниматься живописью и приглашал к себе в дом Андрея, как человека, обладающего художественной системой и талантом, могущего помочь ему уроками и советами на этом поприще.

Не колеблясь ни минуты, юноша согласился.

Италия, как живая академия классического искусства, могла дать ему больше всяких художественных классов, и он без горечи расстался с последними.

Была тут еще и другая причина, почему так охотно схватился юноша за предложение своего нового покровителя.

Черные глазки шестнадцатилетней красавицы Нетти так ласково при встречах поглядывали на него, а сама Нетти, надменная и гордая со всеми, но добрая, чуткая с ним, каза-

лась Андрею какой-то сказочной феей.

Ия, поверенная всех планов, надежд и переживаний своего талантливому брату, первая узнала о чувствах его к юной княжне. Тогда еще пятнадцатилетняя девочка, она не могла понять, как мог ее добрый, ласковый ко всем, исключительно благородный по натуре брат отличить эту пустенькую, ветреную и крайне эгоистичную барышню, предававшуюся до самозабвения светским выездам и нарядам.

Но тем не менее это было так.

Андрюша полюбил Нетти чистой, прекрасной, молодой любовью, – девушка отвечала ему тем же.

В Италии он весь ушел в работу.

Чувствуя себя обязанным князю, так благородно и чутко предложившему ему свою помощь на поприще его художественной карьеры, молодой Басланов старался оправдать всеми силами возложенные на него надежды. Он учился и работал за границей без устали.

Кочуя из музея в музей, Андрей дополнял на образцах классиков свои пробелы по художественному образованию. В школах он проходил азбуку живописи, начиная свое образование с азов.

И в часы отдыха писал на продажу эскизы, портреты, этюды и небольшие картины.

Ежемесячно самым аккуратным образом в далекие «Яблоньки» посылалась субсидия в размере большей половины его заработка. Вторую половину он вносил за свое содержа-

ние князю, не желая обязываться оказавшему ему и без того незаменимую услугу Юрию Львовичу.

Умный и чуткий от природы, Андрей не мог не понять, что занятия его с Юрием Львовичем являлись только предлогом со стороны последнего, дабы дать возможность ему, молодому художнику, устроиться с большими удобствами у них в доме, нежели где-нибудь на мансарде холостого жилища. И Андрей не мог не ценить этого.

В семье Вадберских его полюбили как родного, о чем он с радостью сообщал в письмах матери и сестре.

Сообщал он попутно в них и о своих робких надеждах и планах на будущее. Его талант признали и на чужбине, критика лестно отметила его, сбыт картин увеличился. Будущее улыбалось молодому художнику. И надеждами на это будущее жила теперь в «Яблоньках» маленькая семья.

И вдруг этот брак с княжной Нетти!

Ия, любя всем сердцем брата, должна была бы радоваться его счастью.

Но... образ холодной насмешливой девочки еще жил в ее воспоминаниях, и самый тип Нетти, пустенькой светской барышни, любившей выезды, наряды, мишурный блеск светской жизни, не мог нравиться ее серьезной и глубокой натуре.

О Нетти, вернее, о счастье любимого брата, думала она сейчас гораздо больше, нежели о предстоящей ей самой перемене.

А, между тем, перемена в ее собственной жизни предстояла немалая.

Перед Ией неожиданно открывался новый путь, полный неожиданностей, непредвиденных случайностей, превратностей, а может статься, и многих разочарований.

Путь самостоятельного труда.

Глава III

Катя, босая, в одном легком ситцевом капоте, проворно сбежала со ступеней крыльца и быстрой птичкой порхнула в свой шалашик. Там царила полная полутьма, сладко пахло яблоками.

Они лежали правильными рядами на свежей подстилке из соломы.

Тут же стояла пустая корзина, приготовленная для сорванных плодов. Катя, отбросив назад то и дело спадавшую ей через плечо тяжелую косу, стала бережно укладывать яблоки в корзину.

Сердце девочки сжималось тоскою.

На глазах поминутно навертывались слезы.

Сегодня уезжает Ия. Бог знает, когда придется еще увидеть ее, – в сотый раз повторила мысленно в это утро девочка, в то время как ее загорелые руки бережно укладывали в корзину с соломой румяные сочные плоды.

Яблоки предназначались для Ии. Их вчера еще, когда все спали, черненькая Катя осторожно сняла с деревьев при лунном свете августовской ночи. Каким чарующим при этом свете казался ей задумчивый сад! И милые стройные яблоньки точно нежные призраки высились в его серебристом сиянии.

Вчера, занятая своим делом, Катя еще не грустила. Сбор

яблок и красота лунной ночи совсем поглотили ее.

Но сегодня все ее веселость и жизнерадостность исчезли бесследно. И острая тоска предстоящей разлуки мучила маленькую душу.

С тех пор, как начинает себя помнить Катя, ее жизнь была всегда тесно связана с жизнью Ии.

Старшая сестра постоянно трогательно заботилась о младшей. В раннем детстве Кати Ия являлась как бы ее покровительницей и няней. Она играла с нею, забавляла ее, умела рассказывать ей такие дивные сказки. А когда позднее приезжала на каникулы из института, то сама готовила в пансион младшую сестру. Она же знакомила ее впервые с русскими и европейскими классиками, учила всему тому, что знала сама, в то же самое время стараясь урегулировать несколько взбалмошную, чересчур живую натуру своей шалуны сестренки. Несмотря на такую маленькую разницу в годах между ними, Ия казалась много старше Кати.

Как часто Катя негодовала на Ию, называя ее в насмешку классной дамой и гувернанткой, как часто сердилась на нее за ее замечания и «нотации», на которые, по ее мнению, не скупилась Ия. Но в глубине души девочка не могла не сознавать, что более строгая и требовательная к ней, нежели их чрезвычайно добрая и мягкая мать, Ия права; и если и взыскательна она к ней, Кате, то только из желания добра младшей сестре.

А теперь вот Ия уезжает, и Кате кажется, что никогда она

не любила сестру сильнее, чем в эти дни. Все последнее время она безропотно принимала замечания Ии, не дулась и не обижалась за них на сестру.

Неделю тому назад пришло письмо от знакомой Баслановых начальницы пансиона из Петербурга, куда Ия посылала прошение о принятии ее на должность классной наставницы.

Лидия Павловна Кубанская писала своей старой приятельнице Юлии Николаевне о том, что просьба о месте ее дочери пришла как раз кстати, что сейчас они нуждаются в хорошей наставнице, что должность классной дамы четвертого класса пустует, так как бывшая наставница больна, уезжает лечиться, и она рада принять Ию на ее место. Счастье как будто сразу улыбнулось молодой девушке. Заработок был найден. Оставалось только ехать в далекую, незнакомую столицу и поступить на место. Обливаясь слезами, Юлия Николаевна провожала дочь. Страх и волнение за Ию не давали ей покоя.

Доброй матери Ия казалась теперь бедным беспомощным ребенком, которого судьба забрасывала далеко-далеко от родной семьи.

Одно только примиряло Юлию Николаевну с предстоящей новой жизнью дочери – это то, что Ия попадала под крылышко к ее старой знакомой, с которой вместе училась сама госпожа Басланова когда-то в пансионе.

И пока черноглазая Катя бережно укладывала яблоки на дорогу сестре, Юлия Николаевна, с трудом удерживаясь от

слез, давала последние наставления старшей дочери:

– Июшка, голубка моя, береги ты себя хорошенько. Бог знает что за болезни, эпидемии разные бывают в Питере. Не приведи, Господи, заболеешь, – сейчас же к Лидии Павловне... За доктором пошлите, не запускай болезни... И потом, на улицах остерегайся... трамваи там на каждом шагу, ты не привыкла к движению, не приведи, Господь, несчастье случится!.. Каждый день о несчастных случаях пишут в газетах... Что будет тогда со мною, Июшка! Береги себя, голубка, береги себя!

По-видимому, спокойная по своему обыкновению, но глубоко затаившая в душе волнение, Ия целовала руки матери, стараясь утешить ее насколько возможно. Она обещала беречься, писать аккуратно обо всем, писать каждую неделю непременно.

К двенадцати часам к крыльцу крошечной усадьбы подкатила бричка.

Это работник арендатора «Лесного» предложил Баслановым свою лошадь проводить на пристань старшую барышню.

Это было значительно дешевле, нежели ехать поездом. От Рыбинска же до Петербурга приходилось прибегнуть к помощи железной дороги.

С громким рыданием обняла в последний раз Юлия Николаевна старшую дочь, покрыла ее лицо поцелуями и слезами, крестила ее дрожащей рукой, впиваясь в худенькое юное

личико Ии любящим взором.

– Пиши, Июшка, пиши!..

– Да, мамочка, непременно, родная...

– Ничего не скрывай... Ничего не таи... Обо всем, обо всем подробно пиши, моя деточка.

– Конечно, конечно, голубушка мама!

– Ия! Ия! Не забывай нас, пожалуйста!

Это Катя с залитым слезами личиком бросается на шею сестре.

Ия нежно освобождается из объятий матери и переходит в объятия сестренки. Катя горько плачет, целуя Ию.

– Из-за нее, из-за Нетьки противной, все шиворот-навыворот у нас теперь пойдет, – ворчит она, надувая губки.

– Андрюша любит Нетти... Она его жена, и мы должны тоже любить и уважать ее, – говорит печально-серьезно Ия.

– А я ее ненавижу. Противная! Зачем отняла у нас Андрюшу?

И черные заплаканные глазки Кати мечут искры негодования и гнева.

Последнее объятие... Последние поцелуи, и Ия вскакивает в бричку.

– Июшка... Ия! – Пожилая женщина и девочка с одинаковой стремительностью бросаются к уезжающей. Мать целует ее глаза, щеки, губы... Катя, вскочив на подножку, обвивает руками ее шею. И обе задыхаются от слез. Работница Ульяна, живущая около пятнадцати лет у них в усадьбе, пожилая

бобылка, утирает слезы передником и голосит, причитывая словно по умершему:

– Ба-ары-шня, ми-лень-ка-я. На ко-го ты нас по-о-оки-да-ешь, го-лу-бка си-и-и-за-я на-а-ша-а!

Но вот взмахнул кнутом работник арендатора, взяла с места пегая лошадка, и, визжа рессорами, покатила бричка.

– Пиши, Июшка, пиши! – долетало в последнем приветствии до ушей Ии, махавшей платком.

Точно железные тиски сжали сердце матери. Юлия Николаевна стояла, прислонясь к изгороди сада, и затуманенными глазами провожала бричку. Самые тяжелые, самые нелепые мысли шли ей на ум. Ей казалось, что она уже не увидит больше свою Ию. Что тысячи несчастий обрушатся на белокурую головку уехавшей дочери. Что, по крайней мере, десяток несчастных случаев уже предназначен для молодой девушки со стороны караулившей ее злодейки-судьбы.

Слезы непроизвольно катились по лицу старушки Баслановой, падали ей на грудь, смачивая ситец ее полинявшего капота. Вдруг что-то горячее и влажное коснулось ее бес- сильно повисшей руки.

– Катюша?

– Да, мамочка, это я. Ия уехала, я осталась. Ия просила меня побережь тебя. Пусть она работает и служит спокойно, наша Ия, а я будут утешать тебя. Все вы считаете меня еще маленькой глупышкой, я шалю и дурачусь – это правда, но... но я очень-очень люблю тебя, мамочка, и буду стараться не

огорчать тебя ничем. Через две недели я уеду в пансион в С., а пока я с тобою, ты увидишь, как проказница Катя умеет успокаивать и оберегать свою дорожную мамусю.

И ласкаясь, как кошечка, девочка обняла мать и повела ее в дом.

Растроганная участием и лаской младшей дочери, Юлия Николаевна постепенно перестала плакать.

Да и нельзя было долго предаваться отчаянию бедной вдове. Жизнь предъявляла свои требования. Жизнь не ждала. Не ждали и работы в маленькой усадьбе.

Необходимо было приниматься за них.

В тот же день огромный, как дом, волжский пароход уносил вверх по реке Ию.

Мелькали знакомые, дорогие сердцу картины.

Белые здания церквей и монастырей. Белые стены старинных русских городов. Бежали спокойные, величавые волны реки-царицы. Попадались навстречу огромные пароходы, плоты, буксиры, беяны.

Звучала красивая заунывно-печальная русская песня. Целая стая серых птиц носилась над пароходом. Пассажиры кормили их, бросая с палубы куски хлебного мякиша и булок. Резко кричали чайки, как бы посылая свою благодарность за пищу людям.

Ия стояла на палубе и смотрела в ту сторону, где находились по ее предположению родные «Яблоньки» и где – она ясно чувствовала это – грезила ею седеющая голова ее опе-

чаленной матери.

И только ночной августовский воздух прогнал ее в каюту. Но и тут прежде, нежели заснуть, молодая девушка долго и тревожно думала о тех, кто в это время, по ее расчету, ложился на отдых в далеких и милых сердцу «Яблоньках».

Глава IV

– Они все очень хорошие, чуткие и славные, и я уверена, вы скоро привыкнете к ним. Я укажу вам нескольких девочек, требующих особенно чуткого и внимательного к себе отношения: Маня Струева, Шура Августова и башкирка из уфимских степей, дочь оседлого бека, Зюнгейка Карач, да еще Ева Ларская, пожалуй, с этими четырьмя воспитанницами вам придется немного повозиться.

Говоря это, еще молодая и красивая девушка лет двадцати семи, с прозрачно-бледным лицом и большими черными глазами, особенно ярко горевшими на худом с выступавшими скулами лице, улыбнулась Ие ласковой, немного искаженной улыбкой. И усиленный неестественный блеск глаз, и чрезвычайная худоба и бледность Магдалины Осиповны Вершининой подчеркивали присутствие разрушительной и беспощадной болезни в этом молодом организме. А частый удушливый кашель, разрывавший каждые десять минут впалую грудь девушки, еще более подтверждал наличие злейшего недуга.

У Ии, приехавшей в частный пансион госпожи Кубанской час тому назад прямо с вокзала железной дороги, сердце разрывалось от жалости при виде этой крайне симпатичной наставницы, обреченной на раннюю гибель. Красивое печальное лицо чахоточной, глубокие, запавшие добрые гла-

за, бледная, как будто извиняющаяся улыбка и две тяжелые черные косы, спущенные просто как у подростка вдоль спины, – все это сразу привлекало к ней, невольно будило симпатию, а главное – глубокое сочувствие и жалость.

Должно быть, Магдалина Осиповна прочла выражение этого сочувствия в серых глазах Ии, потому что легкая краска залила ее бледные щеки, и она проговорила своим слабым глуховатым голоском:

– Да... вот, заболела некстати... Сил совсем нет. И кашель, и головные боли. Прически даже как следует сделать не могу. Вот еду через неделю в Ялту к дяде. Говорят, Крым делает чудеса в таких случаях. Да и тянет меня самоё, знаете, к южному солнцу. Холодно и сыро здесь. Как лист дрожу по ночам от лихорадки. Ждала вас, только чтобы уехать. Тетя с дядей живут у меня безвыездно в Ялте. Буду у своих. И лечение, и уход прекрасный. Отчего бы и не поправиться? – неожиданным вопросом заключила она свою речь.

– Поправитесь, поправитесь, конечно, – поспешила успокоить ее Ия, но сама она плохо верила в это утешение.

– Пожалуйста к госпоже директрисе, она только что вернулась и просят вас к себе, – просовывая голову в дверь приемной, где Ия разговаривала со своей предшественницей, положила франтоватая горничная.

Лидия Павловна Кубанская встретила Ию на пороге своей гостиной. Это была маленького роста, худенькая, сухая дама лет пятидесяти пяти.

От ее невзрачной фигурки и некрасивого желтого лица веяло светской любезностью, корректностью и некоторым холодком.

– Очень рада, очень рада приветствовать у себя дочь моего большого друга Julie, – пропела она, любезно улыбаясь и протягивая навстречу Ие свои маленькие, сплошь униженные кольцами руки с синими выпуклыми на них жилками и тщательно отделанными ногтями. – Но, Боже мой, как вы еще молоды! – поспешила прибавить она с тою же любезной улыбкой, таившей за собой несомненную долю разочарования. – Ну как вы, такая юная, справитесь с девочками, которые будут на какие-нибудь два или три года моложе вас?

Услыша эти слова начальницы, Ия заметно побледнела.

«А вдруг она не возьмет меня? Вдруг откажет от места? Что тогда делать? Куда деваться?» – быстрой молнией пронеслась жуткая мысль в ее голове.

Но она успокоилась сразу, когда заметившая ее испуг Лидия Павловна заговорила снова:

– Вам будет, конечно, немного трудно первое время, милая Ия Аркадьевна, так, кажется, вас зовут? Не хочу скрывать от вас, что ваши будущие воспитанницы очень избалованы Магдалиной Осиповной, вашей предшественницей.

M-elle Вершинина – милейшее существо в мире, это ангел доброты и кротости, весь пансион буквально боготворил ее. Но... должна признаться, благодаря этой-то своей исключительной доброте она несколько распустила детей. Четвертый

класс (ваше отделение) шаловлив не в меру и шумен. Вам придется приложить много усилий со своей стороны, чтобы снова вдвинуть в русло эту временно выступившую из берегов чересчур разбушевавшуюся реку. Но... но я уверена, что ваш ум и врожденная тактичность помогут вам в этом. А теперь попрошу вас пройти в класс познакомиться с вашими воспитанницами. Я уже просила Магдалину Осиповну помочь вам. *Bonne chance!*¹ И, пожав руку Ии, Лидия Павловна с любезной улыбкой отпустила ее.

Урок в четвертом классе только что кончился. Учитель географии, худощавый, среднего роста господин в длинном сюртуке, проворно сошел с кафедры и, мимоходом поклонившись воспитанницам, быстрым шагом вышел из класса. В тот же миг дежурная по отделению Таня Глухова вбежала на кафедру, схватила обеими руками длинный и плоский классный журнал и прочла звонким резковатым голосом:

– Мордвиновой Мире – 12.

– Ворг – 7.

– Августовой – единица.

– Леонтьевой – 6.

– Недурные отметки, нечего сказать! – протянула она насмешливым голосом.

– Единица? За что мне единица? *Masdames*, что за свинство! Лепешка мне единицу вклеил без всякого спроса! – хорохорилась миловидная шатенка с вздернутым носиком и

¹ Желаю успеха.

высоко приподнятой «заячьей» губой.

– Это за невнимание. Ты помнишь, он спросил притоки Днепра с места, а ты молчала. Ну, вот, – предупредительно пояснила черненькая девочка с тяжелой ниже пояса густою косой.

– Да как он смеет? Я ему за единицу такой бенефис закачу, – продолжала, волнуясь и возмущаясь, Августова.

– Надо было внимательнее слушать – не было бы единицы! – иронически произнесла Таня Глухова, пожимая своими широкими, сутуловатыми плечами.

– Это уж мое частное дело – слушать внимательно или вовсе не слушать, и без замечаний, *je vous prie!* – дурачилась и комически раскланивалась перед нею Шура, гримасничая, как обезьянка.

– Шура, Шуренок, представь Лепешку, представь! – слышались вокруг девочки веселые голоса.

– Ну нет, милые мои, вот где сидит у меня ваш Лепешка, – и ребром правой руки Августова слегка ударила себя пониже затылка.

– Mesdames, новая классная дама идет. И Магдалиночка с нею! Мо-ло-день-кая! – врываясь в классную дверь, зашептала маленькая худенькая девочка лет тринадцати с растрепанными пепельными волосами и ямками на щеках. Маня Струева, «премьерша от шалостей» 4-го класса, по общему отзыву пансиона.

– Идут! Идут! – выскакивая откуда-то из-за двери следом

за Маней, в голос кричала невысокая, плечистая, широко-
костная брюнетка с некрасивым лицом калмыцкого типа и
резко обозначенными монгольскими скулами.

Черные узенькие монгольские же глазки Зюнгейки Карач
так и сверкали, так и искрились неисчерпаемым источником
любопытства, а широкий рот растягивался чуть не до ушей,
обнажая в улыбке ослепительно белые зубы.

– Идут! Идут! – вопила она истошным голосом, пулей вле-
тая в класс.

– Молчи, Зюнгейка, не кричи. Опять неприятности будут.
Я дежурная и должна останавливать вас всех.

Не успела Таня Глухова договорить своей фразы, как на
пороге класса появилась Ия в сопровождении Магдалины
Осиповны.

– Милые мои девочки, – начала своим слабым глухим го-
лосом Вершинина, – я привела к вам вашу новую настави-
цу Ию Аркадьевну Басланову, которая заступит мое место.
Вы видите, какая она молоденькая, какая милая, – со сво-
ей обаятельной улыбкой добавила Магдалина Осиповна, –
и ей будет нелегко справиться с таким шумным, шаловли-
вым народцем. Но у каждой из вас, я это знаю твердо, бьется
в груди чуткое, восприимчивое сердечко, и вы должны по-
мочь вашей новой классной даме своим добрым отношением
к ней. Ведь Ия Аркадьевна сама окончила институт только
этой весной, и, следовательно, ей гораздо доступнее, нежели
другой пожилой наставнице, все ваши юные переживания и

интересы. Она в этом отношении гораздо более подходит к вам, нежели я, и...

– Нет, – неожиданно послышался чей-то резкий голос из толпы воспитанниц, – нет, вас нам никто не заменит, и никто не может более вас подойти к нам.

И девочка, несколько минут тому назад возмущавшаяся несправедливостью географа Лепешки, поставившего ей единицу, выступила вперед и вызывающе уставилась в лицо Ии дерзкими синими глазами.

– Перестань, Шура, – тихо остановила ее смутившаяся Магдалина Осиповна, – разве можно так говорить?

– А разве нельзя говорить правду? Ведь m-elle Басланова сама отлично сознает, что она не может быть нам особенно желанной уже по одному тому, что является вашей заместительницей! – И новый взгляд, еще более вызывающий, с легкой примесью насмешки, полетел по адресу Ии.

Последняя стойко выдержала его.

– Так похвально, что вы любите вашу уважаемую наставницу, – произнесла спокойным голосом Ия, переходя взглядом с одного лица на другое толпившихся вокруг нее и ее спутницы пансионеров, – и мне остается только радоваться, что я буду иметь дело с такими чуткими и привязчивыми натурами, – скрепляя улыбкой свои слова, заключила она.

– Старайтесь привыкать скорее к Ие Аркадьевне, – продолжала снова Вершинина, – через неделю я уеду...

– Через неделю?.. Уже? Так скоро? Но это невозможно! –

послышались испуганные голоса.

– Магдалиночка, ангел, солнышко, божество, Аллах мой!

И черненькая Зюнгейка, со свойственной ей одной стремительностью, энергично растолкала подруг и упала к ногам Вершининой, обвивая смуглыми руками ее колени.

– Что ты! Что ты, Карач! – почти испуганно вскричала молодая наставница.

– Нет, нет, не мешайте мне, вы – Аллах мой, вы ангел его садов, вы моя жизнь! – страстно сорвалось с губ юной башкирки, и она покрывала поцелуями и слезами платье и руки Вершининой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.